

Глава 1.

Ритуализация, тело и церковь: рассуждения о протестантском мировоззрении и ритуальном процессе

Бент Флемминг Нилсен

Введение

Две картины, украшающие алтари лютеранских церквей в Виттенберге (Саксония) и Торслунде (Дания), демонстрируют основные доктринальные тезисы Реформации. Обе они отражают конфессиональные утверждения, отражающие идеальное положение дел в церквях Реформации. В этой статье вашему вниманию предлагается иная интерпретация, которая отличается от исторической и конфессиональной. Также в отношении этих картин можно сказать, что они непреднамеренно выявляют раскол между доктринальным взглядом на религию и реальной практикой Церкви. Так, протестантская теология как результат доктринального мышления, часто описывает религию как довольно развоплощенное, коммуникативное и рефлексивное устремление, тогда как практика Церкви показывает, что протестанты также постигают сакральное с помощью ритуала. Но, по-видимому, под влиянием доктринальных и интеллектуальных соображений роль ритуала часто преуменьшают или же трактуют ошибочно. Такие расхождения требуют дальнейшего исследования роли ритуала и воплощения в изучении религиозной жизни. В качестве первоочередного шага, в статье приведены краткие объяснения теории Ф. Сталя, К. Хамфри и Дж. Лэйдлоу, и К. Белл. Ритуальные теории практики и действия могут быть весьма перспективным методами религиозных исследований, посвященных дихотомии теории и практики.

Как вам известно, Виттенберг в Саксонии – это город, из которого движение Реформации распространилось в XVI веке по всей северной Европе. В Виттенберге все еще можно зайти в городскую церковь – *Die Stadtkirche* – где сам Мартин Лютер, неделя за неделей, проповедовал в течение более 40 лет. На алтаре вы увидите знаменитую картину Лукаса Кранаха Старшего, написанную в 1547 г. (спустя год после смерти Мартина Лютера), на которой изображен Мартин Лютер за кафедрой. Лютер проповедует, твердо возложив левую руку на Библию, а другая, могущественная правая рука, указывает на распятого Христа, который занимает доминирующее положение в середине картины. Община, собравшись на противоположной стороне, внимательно слушает проповедь¹. Жителям города было бы знакомо большинство лиц собравшихся: по видимому, это местные жители, в том числе собственная жена и ребенок Лютера.

Расшифровать картину несложно. Очевидно, она указывает на то, что через проповедование священника Христос присутствует непосредственно среди собравшихся людей. Интересно то, каким образом это присутствие распятого и воскресшего Христа отличается от общепринятых представлений того времени.

У каждой религии есть свои способы и методы подкрепления священного, сакрального. Согласно Римско-католической церкви, против которой выступала Реформация Лютера, сакральное, распятый Христос, присутствует на мессе через Евхаристическую жертву. Согласно учению католической теологии, хлеб и вино трансформируются во время так называемого пресуществления, в тот самый момент, когда служится месса. По сути, они больше не являются хлебом и вином, а превращаются в тело и кровь распятого и воскресшего Христа. Сердцем этой теологии будут культовые и жертвенные акты мессы. Соответственно, католическая параллель Виттенбергской картины будет изображать священника, который преклонил колени у алтаря, освящая Евхаристическую жертву.

Для сравнения, что же говорит нам картина Кранаха в Виттенберге о сакральном?

Как мы уже вкратце упоминали, эта картина постулирует базовую протестантскую доктрину, которая заклю-

чается в том, что Христос, Господь, присутствует среди собравшихся людей через проповедь. Это очень строгая доктринерская картина, очень настоятельная картина. Картина настаивает на базовой протестантской доктрине о Христе, проповеди и ее слушании. Подчеркивается, что именно проповедование, во время которого библейский текст интерпретируется человеческими словами, а слова и мысли произносятся на нашем родном языке, а не Евхаристическая жертва с культовыми, ритуальными церемониями – это священная основа общения между Богом и человеческими существами. Для Лютера, так же, как и для всех реформированных церквей, вопрос веры является решающим. Он настаивает на тезисе о том, что спасение обещано особой вере, которая пробуждается через слушание проповедования слова Божия. В представлении Мартина Лютера распятый Христос, проповедь и добросовестное слушание тесно связаны между собой и переплетены.

Таким образом, картина Лукаса Кранаха – довольно идеализированная. Взаимосвязь между Христом, проповедью и верой раскрывается прямо на глазах зрителя. Визуально картина описывает новаторское и определенное в теологических терминах идеальное положение дел в Реформации. Так, большая часть живописи Кранаха отражает истинную протестантскую доктрину. Это визуальное воссоздание той картины, которая свойственна лютеранскому и протестантскому мышлению. На протяжении более четырехсот лет этой теологической доктрине протестантизма, раскрытой в картине, удавалось с успехом определять, что следует видеть и что следует распознавать как истинную теологию. Во всяком случае, так может быть среди протестантских теологов.

Конкретным результатом является то, что теологи, как правило, рассматривают протестантизм как религию, которая сосредоточена в человеческом сознании, в мышлении и в языке. Они полагают, что протестантизм является особой современной религией, которая дала свободу ранним стадиям более примитивных религиозных форм. В процессе перехода от культовой деятельности в область рефлексивности, коммуникации и духовности сама религия приспособилась к современности. В настоящее время место религии должно отводиться в языке и рефлексии, а не

в церемониях и ритуале². В качестве примера, немецкий теолог Майкл Мейер-Бланк говорит о том, что лютеранская Реформация вызвала к жизни новую *коммуникативную религиозную культуру*³. В другом контексте он говорит о том, что «в нашей глубоко модернизированной культуре уже не будет возврата к *непосредственному* практикованию культа или ритуала». Наше отношение к давней традиции ритуала всегда будет опосредовано интеллектуальным размышлением⁴. Эти заявления можно рассматривать как пример оценки ритуала в рамках современной протестантской теологии. Ритуал рассматривается как своего рода не-отрефлексируемый, неопосредованный, *досовременный* вид религиозного поведения; это разновидность религиозной активности, которая больше не является опциональной для современного человека⁵. За такими взглядами часто стоит влиятельная теория Макса Вебера о религии и обществе, которая «утверждает, что ритуальные реформы и строгая рациональность протестантизма «расколдовали мир»» (Мюир, 2003). В рамках протестантской теологии этот социологический тезис также сыграл важную роль⁶.

Как следствие, современные теологи часто допускают, что *мысленно подразумеваемый тезис* является основной причиной таких критических оценок ритуала. Это подразумеваемое допущение касается эволюционного движения в рамках религии, где внешняя культовая активность отбрасывается и замещается в большей степени обращенными внутрь религиозными устремлениями. В целом, предполагается, что протестантизм играет важную роль в этой истории:

По мере того, как влияние протестантских реформаторов росло, любое наделение могуществом ритуализированного тела и самого по себе ритуала стало ассоциироваться с магией, «очарованием» и суеверием... Открытое признание одного из направлений христианства, не опирающегося на ритуальные практики и святых, характеризовало большую часть задачи реформаторов,

говорит римско-католический теолог Дэвид Торевелл в своем критическом анализе (Торевелл, 2000). Хотя мы сейчас скорректируем это недвусмысленное высказывание о Реформации, оно, несомненно, указывает на очень важ-